

¹² См.: Долгих Е. В. Восприятие критики власти сановниками николаевского времени (Д. Н. Блудов, М. А. Корф). М., 1995. Деп. ИНИОН РАН. № 50240.

¹³ См.: Kharkhordin O. What is state? The Russian concept of «gosudarstvo» in the European context // History and Theory. Middletown, 2001. Vol. 40, Nr 2. P. 206–240.

¹⁴ Тургенев Н. И. Из «Дневников» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 206. Ср. со знаменитыми строками А. С. Пушкина: «Пока свободою горим, / Пока сердца для чести живы, / Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы».

¹⁵ Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1806–1811 гг. Т. 1: Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 1. С. 213.

¹⁶ См.: Сиротина И. Л. Мемуаристика как источник осмысления менталитета русской интеллигенции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1995.

¹⁷ Ахизер А. С. Как искать специфику российского общества, или Было ли осевое время в России // Рубежи. 1998. № 3–4. С. 88.

¹⁸ Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 2: Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 194.

¹⁹ Гордон А. В. Выступление на круглом столе «Русская культура в сравнительно-историческом освещении» // Одиссей, 2001. М., 2001. С. 24.

²⁰ Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 24.

²¹ См.: Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 11.

В. И. Цепилова

А. А. КИЗЕВЕТТЕР В ЭМИГРАЦИИ (1922–1933)

Александр Александрович Кизеветтер – один из видных представителей историко-научного сообщества русского зарубежья, ученик В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, П. Н. Милюкова – оказался в эмиграции в составе пассажиров «философского парохода» в 1922 году. После недолгого пребывания в Берлине Кизеветтер переехал в Прагу, где сразу включился в научную и общественную жизнь. За годы изгнания Александром Александровичем было опубликовано более 500 статей, рецензий, заметок, воспоминаний. Отойдя от практической политической деятельности, Кизеветтер принимал деятельное участие в культурной и общественной жизни эмиграции. Он стал членом Пражской академической группы, Русского исторического общества, членом совета, а с 1928 года – председателем Русского заграничного исторического архива, членом экспертного совета этого архива, председателем историко-филологического отделения Русского народного университета (РНУ), руководителем культурно-просветительского кружка РНУ в Уезде над Лесом, профессором юридического факультета, членом редакционно-издательского совета Комитета по подготовке дней русской культуры, почетным членом Союза русских писателей и журналистов в Чешской Республике. К этому следует добавить чтение лекций и курсов в Эстонии, Германии, провинциаль-

ных городах Чехословакии, рецензирование монографий и статей, составление библиографических обзоров для журналов.

В современной историографии творчество А. А. Кизеветтера представлено в монографии и статьях М. Г. Вандалковской¹. Однако нам представляется, что в монографии больше внимания уделено личности П. Н. Милюкова, фигура Кизеветтера представлена менее ярко, анализируется преимущественно творчество историков в дореволюционный период. Если в монографии автор все же дает анализ юбилейного издания «Очерков по истории русской культуры» Милюкова, отмечает некоторые изменения в подходах историка к российской истории, то взгляды Кизеветтера представлены «в статике».

Во введении к монографии автор говорит, что не затрагивает историографические работы. Между тем отклики на выходящую литературу были важной составной частью творчества историков. В 1920–1921 годах, когда шла организация академических групп, выход сборников был редкостью. С созданием сети русских учебных заведений, научных обществ, с возникновением периодических изданий по типу дореволюционных «толстых» журналов критика стала одним из ведущих направлений исторической мысли русского зарубежья.

Развитию историографического направления способствовал ряд обстоятельств, связанных с особенностями работы в новых условиях: отсутствие архивов, появление новых течений, интерес к состоянию науки и творчеству ученых в советской России, ограниченная возможность публиковать большие по объему статьи. Поэтому трудно согласиться с мнением Е. П. Аксеновой, которая утверждает, что «критика в эмиграции носила случайный характер»².

Цель данной статьи – проанализировать наиболее крупные работы А. А. Кизеветтера; проследить эволюцию взглядов на некоторые проблемы российской истории; определить значение его наследия для современной историографии.

В ряде специальных работ и рецензий А. А. Кизеветтер анализировал литературу, затрагивающую широкий круг проблем: развитие взаимоотношений общества и государства в исторической динамике; генезис и развитие сословного строя России; роль личности в истории; творчество видных историков. Мы остановимся на тех из них, которые, на наш взгляд, характеризуют А. А. Кизеветтера как историографа и посвящены общим проблемам российской истории. Среди них выделяется работа «Общие построения русской истории в современной литературе»³. Автор придавал ей, видимо, принципиальное значение, поскольку в 1931 г. включил эту статью, практически без изменений, в свой единственный сборник «Исторические силуэты. Люди и события», изданный в эмиграции.

Предметом анализа А. А. Кизеветтера стали работы Б. Э. Нольде и И. И. Бунакова, которые, основываясь на разных исторических концепциях, попытались объяснить успех большевиков. Интерес к этим работам Кизеветтер объясняет как талантливостью авторов, так и содержанием статей. Со своей стороны мы можем добавить, что после Октября 1917 года историки рассматривали все проблемы только через призму происшедших событий, пытались найти в далеком прошлом истоки российской трагедии.

Первая часть статьи Кизеветтера, рассматривающая взгляды Нольде на историческое развитие России, названа «История без народа». Б. Нольде пытался объяснить победу большевизма тем, что в течение всей русской истории единственной направляющей и творческой силой в ходе государственного строительства являлась власть, а общество было пассивным. Эта власть, перекраивая весь жизненный порядок, не стеснялась попирает права лиц и общественных групп во имя государственного переустройства. Русское государство всегда строилось сверху, а не снизу, поэтому не стоит удивляться успеху большевиков.

Другая точка зрения – народ вне истории – была представлена в работе И. Бунакова «Пути России»⁴. Автор рассматривал исторический процесс как единение царя и народа на основе православных ценностей, отсутствия «западноевропейского греха земельной собственности». Жизненные идеалы русского народа совпадали, по мнению Бунакова, с основами восточных теократий. Эти идеалы были искажены в период империи, когда русская жизнь перестроилась на почве западноевропейской культуры, а народ остался вне истории. На этой основе автор делал вывод: революция взорвала империю, народ вернулся к справедливым «московским земельным устоям».

Кизеветтер, используя метод сравнительного анализа, показал односторонность и той и другой схемы. Главную причину односторонней трактовки исторического прошлого страны Кизеветтер видел в малоизученности проблем участия народа в государственном строительстве и соотношении коренных условий развития и заимствований. Русские историки, по его мнению, принадлежащие к разным направлениям, больше всего старались подчеркнуть своеобразие России, ее отличие от Запада. Это давало возможность избежать шаблонности, воспроизводить историю в конкретности. Но такой подход таил в себе опасность, так как «исследователи принимали относительное своеобразие жизненных форм за абсолютное своеобразие самого содержания исторической жизни»⁵.

Сами по себе эти суждения о строительстве государства «сверху вниз» на основе постепенного закрепощения всех сословий были не оригинальны. Как известно, до революции многие историки, включая Милюкова и Кизеветтера, придерживались подобной точки зрения. Но теперь Кизеветтер ставит вопрос: верно ли все это? И, с нашей точки зрения, принципиально важным является его утверждение о том, что «...общественный творческий почин играл в нашей истории гораздо более важную роль, нежели это обыкновенно предполагается...», что вопрос о воздействии «холопов» на ход государственной жизни должен привлечь особое внимание исследователей⁶. В статье «Две утраты. М. М. Богословский и А. Е. Пресняков» Кизеветтер прямо формулирует представление о русском народе как неспособном к широкой общественной самодеятельности как «старый шаблонный взгляд»⁷, т. е. для Кизеветтера было ясно, что прежние подходы устарели.

Но он знал и то, что некоторый задел для работы в этом направлении был сделан дореволюционной историографией, а также новейшими исследованиями. Будучи признанным специалистом по истории России XVIII века, Кизеветтер в историографических работах предстает перед нами знатоком и предшествующего периода. Следует иметь в виду, что после защиты докторской диссертации (1909) Кизеветтер занимался изу-

чением служебного и экономического положения купечества в Московском государстве в XVI–XVII веках, собрал обширный архивный материал и готовился приступить к его разработке, но помешала революция. По косвенным данным мы можем предположить, что Кизеветтер часть личного архива смог взять в эмиграцию⁸.

Именно эта подготовительная работа позволила Кизеветтеру аргументированно говорить о том, что вся внутренняя политика правительства XVII века «шла на буксире» у общественных требований средних классов, которые после Смуты заняли господствующее положение в Московском государстве. Эти классы не были безгласным инструментом в руках власти, но, неся службу, платя налоги, они громко и настойчиво заявляли о своих требованиях и умели добиваться их осуществления. Формы проявления политической активности были «рабские» по форме (челобитья), но подавались они во время сборов войска на войну, и не считаться с ними власть не могла. Ссылаясь на исследования А. А. Новосельского, Кизеветтер говорит о том, что главнейшие законодательные мероприятия в XVII веке были продиктованы именно этими петициями.

Рассматривая с точки зрения политической активности посады и крестьянский мир, Кизеветтер отмечает, что они, как тяглые сословия, не могли стать основой для борьбы за вольности, но все-таки общинная организация давала известную школу общественной самодеятельности. В тех случаях, когда просьбы не помогали, вспыхивали бунты.

Кизеветтер не соглашается с оценкой Нольде социально-политического состояния России в XVII веке, согласно которой в первой половине столетия царил мир, во второй половине начались выступления анархических элементов. Ссылаясь на исследования Бахрушина и Смирнова, Кизеветтер отмечает, что мира не было, и оценивает восстания первой половины века как поддержку оружием своих требований. С его точки зрения, Московское государство действительно было деспотическим, но эта деспотия – результат не аполитичности населения, а той политической и экономической обстановки, когда, по выражению Г. П. Федотова, прогресс был на стороне рабства.

Таким образом, налицо некоторое изменение в подходах к проблеме власть и общество. Если в «Посадской общине в России в XVIII столетии» и «Городовом положении 1785 г.», главных своих трудах, автор делал упор на «закрепоощающий характер» посадских общин, подчеркивал расхождение между правами общин и практикой их деятельности, то теперь главное внимание исследователей обращается на воздействие низов на законодательную политику правительства.

Соглашаясь с И. И. Бунаковым, что в Московском царстве все считались «холопами» царя, Кизеветтер выступает против идеализации этого периода. Историк подчеркивает, что это «холопство» было разным, что здесь существовала иерархия и свои социальные конфликты. В крестьянском мире шла непрестанная борьба, крепкие хозяева в силу круговой поруки отвечали за слабые хозяйства и поэтому «верховодили» в общине. Неоднородным было боярство: сохранялась титулованная аристократия, за счет родственников и личной связи с новой династией нарождалась новая знать.

Кизеветтер опровергает и тезис Бунакова «о справедливости московских земельных устоев», отмечая, что система условных и зависимых зе-

мельных владений в России хотя и имела некоторые черты сходства с восточными образцами, но мало чем отличалась от европейских. Главное, с его точки зрения, заключалось в том, что никакого перелома в жизненном процессе на рубеже XVII и XVIII веков в России не произошло, что Московское государство в течение XVII века эволюционировало к империи. С его точки зрения, причина захвата крестьянами земли в 1917 году коренится не в тоске «по старине», о чем говорил Бунаков, а в том, что земля была нужна земледельцу. На каких правах – условного и зависимого держания или на правах собственника – этот вопрос, по мнению Кизеветтера, должно решать само крестьянство.

Кизеветтер отмечает, что своеобразие Московской Руси было связано с местными условиями, с влиянием Византии (поместная система, идеология власти) и с татарами (некоторые черты финансовой, почтовой организации и др.), и игнорировать это нельзя. Но для него эти особенности являлись только внешними покровами, и задача исследователей заключалась в том, чтобы «осветить общеевропейские основы того содержания, которое ими покрывается»⁹.

Примечательно, что в качестве подтверждения этой мысли он напоминает о дискуссии по проблемам феодализма, когда оппоненты Павлова – Сильванского в качестве аргументов приводили внешние проявления феодальных отношений на Западе (наличие замков, трубадуров) и на основе этого утверждали, что поскольку таких атрибутов в России не было, следовательно, не было и феодализма. По мнению историка, такая же дискуссия и такой же подход необходимы при рассмотрении с позиций нового знания проблем Московского царства. Таким образом, ставится вопрос о соотношении коренных, сущностных черт развития общества и заимствований.

В свете этих задач Кизеветтер высоко оценивал работы, вышедшие в Советском Союзе. Представляя теорию закрепощения сословий как устоявшуюся и научную, Кизеветтер говорит, что новые исследования вносят существенный вклад в разработку этой проблемы. В частности, А. А. Новосельский впервые показал ведущую роль высшего сословия провинциальных служилых людей (дворян выборных), особенно «окладчиков», в городе; сделал вывод о совпадении некоторых функций «окладчиков» с функциями столичных служилых людей; раскрыл внутреннюю борьбу нескольких родов за «откладничество»; показал, как складывалась иерархия внутри служилого сословия.

Характеризуя монографию Новосельского «Вотчинник XVII в. в его хозяйстве», Кизеветтер выделяет интересные наблюдения автора о стремлении закрепить поместья в качестве вотчин, хотя юридические различия между ними почти стерлись. На основе этого историк предостерегает исследователей от преувеличения процесса слияния вотчинного и помещного землевладения.

Исследования С. В. Бахрушина о колонизации Сибири и развитии торговли, по мнению Кизеветтера, дают важные сведения о структуре торгового сословия в XVII веке, источниках его пополнения, превращения в особую социальную группу. На основе этого исследования Кизеветтер делает вывод о том, что развитие рыночных отношений в XVII веке стало размывать сословные перегородки, ломать иерархию, сложившуюся в обществе. Подтверждение этого вывода историк находит и в статье Б. Д. Гре-

кова, посвященной анализу помещичьего хозяйства в Новгородской области и дающей интересный материал о процессе слияния поместья и вотчины. Эта тенденция проявилась в стремлении помещиков «осесть» на землю, появлении барской запашки и барщинной повинности крестьян, постепенном переводе холопов в крестьянское сословие. Эти данные подтверждали утверждения Кизеветтера о закономерности петровских преобразований, о том, что не было пропасти между Московской Русью и императорской Россией.

Серьезному анализу была подвергнута Кизеветтером литература о крестьянстве. В предшествующей историографии по этому вопросу сложились два подхода: процесс закрепощения шел «сверху» (Сергеевич) и линия на закрепощение развивалась без участия правительства, которое только санкционировало фактические социально-экономические отношения (Погодин, Ключевский). Дьяконов впервые обратил внимание на указы о «заповедных годах», правда, считал их частными, не имеющими общероссийского значения мероприятиями. С. Б. Веселовский в статье «Из истории закрепощения крестьян» (1928) показал, что этот процесс, хотя и вырастал на социально-экономической почве, но проходил не без участия правительства. Власть пошла на закрепощение крестьян, идя навстречу пожеланиям служилых помещиков. Кизеветтер добавляет, что власть при этом руководствовалась и политическими целями: закрепощение крестьян завершало процесс создания государства на основе закрепощенности всех сословий¹⁰.

Таким образом, анализ литературы, вышедшей в 20-х – начале 30-х годов XX века, дал Кизеветтеру как подтверждение прежних выводов, так и потребовал некоторой корректировки прежних подходов к проблемам русской истории. Прежде всего, это касалось вопроса о влиянии народных масс на процесс государственного строительства, преемственности политики Петра Великого и московских царей, формирования социально-экономических предпосылок преобразований первой четверти XVIII века.

Историографические работы А. А. Кизеветтера представляются нам «классическими». Структура анализа практически однотипна: краткое обобщение достижений предшественников, показ вклада ученого в решение проблемы, личные замечания и их аргументация, постановка задач перед исследователями. Но на основе этих работ можно проследить развитие русской историографии в один из самых трудных периодов ее развития, связанный с искусственным разделением исторической науки. Мы можем говорить о том, что в эмиграции историки внимательно следили за развитием науки в СССР, рассматривая ее как единый процесс познания прошлого страны. Это единство определялось тем, что ученые – и оказавшиеся в эмиграции, и оставшиеся в СССР – принадлежали к одной школе, работали в рамках одной методологии. Кроме того, старая профессура, трудившаяся в советской высшей школе, вольно или невольно передавала свои знания, опыт научной работы новым поколениям.

Сама историческая наука имеет внутреннюю логику развития, обозначая противоречия между знанием и жизнью, разрешение которых представляло собой новое движение, новое знание. Появление на историческом арене массовых движений, революционные потрясения в Европе и России обусловили интерес к социальной истории, расширили предмет исторического познания. Вполне логичным представляется нам переход от со-

циальной истории к марксизму с его вниманием к роли больших социальных групп, классов в истории. От идеи «сопротивления закреплению» не так далеко до идеи классовой борьбы. Как позитивистское направление, так и советская историография основывались на признании закономерностей поступательного исторического развития, строили схемы на основе архивных материалов. С этой точки зрения, вероятно, прав А. Я. Гуревич, который подчеркивал, что между марксизмом и позитивизмом нет различия¹¹.

Конечно, при этом нужно иметь в виду, что для этого периода было характерно жесткое политическое и идеологическое противостояние, вовлеченными в которое оказались и историки. Либеральные убеждения, которых придерживался Кизеветтер, делали его особенно «пристрастным» к работам тех, кто придерживался других взглядов¹². Но проблемы, поднимаемые в советской историографии 20–30-х гг., были созвучны с теми задачами, которые ставились историками в дореволюционный период и в эмиграции, поэтому можно говорить о единстве и преемственности российской исторической науки.

¹ См.: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков и А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Вечный россиянин – А. А. Кизеветтер // *Историки России*. М., 1996; А. А. Кизеветтер // *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 1: Отечественная история / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов и Л. Т. Мильская. Москва; Иерусалим, 2000. С. 154–163.

² *Аксенова Е. П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии: (По материалам архива А. В. Флоровского) // *Русская эмиграция в Югославии*. М., 1996. С. 155.

³ См.: *Кизеветтер А. А.* Общие построения русской истории в современной литературе // *Современные записки*. 1928. Т. 37. С. 310–341.

⁴ См.: *Бунаков И. И.* Пути России // *Современные записки*. 1927. Т. 32. С. 310–345.

⁵ См.: *Кизеветтер А. А.* Общие построения русской истории в современной литературе. С. 339.

⁶ См.: Там же. С. 312.

⁷ См.: *Кизеветтер А. А.* Две утраты. М. М. Богословский и А. Е. Пресняков // *Современные записки*. 1930. Т. 43. С. 511–519.

⁸ См.: *Фатеев А.* Два историка и два построения русской истории // *Записки Русского исторического общества в Праге*. Прага; Нарва. 1937. Кн. 3. С. 7.

⁹ *Кизеветтер А. А.* Общие построения русской истории в современной литературе. С. 341.

¹⁰ См.: *Кизеветтер А. А.* Новейшие исследования по социальной истории Московского государства // *Современные записки*. 1932. Т. 49. С. 495–531.

¹¹ См.: *Гуревич А. Я.* Двойная ответственность историка // *Проблемы исторического познания: Материалы Междунар. конф.*, 19–21 мая 1996 г., Москва / Отв. ред. акад. Г. Н. Севостьянов. М., 1999. С. 18–19.

¹² См.: *Кизеветтер А. А.* Научно-историческая литература в современной России // *Современные записки*. 1923. № 15. С. 388–400.